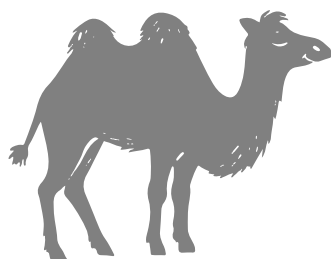

> МАГИСТРАЛЬ >

ЛАЗАРЬ ЛАГИН

Старик Хоттабыч

Москва
2024

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л14

Лагин, Лазарь Иосифович.

Л14   Старик Хоттабыч / Лазарь Лагин. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Магистраль. Дети).

ISBN 978-5-04-200897-9

«Старик Хоттабыч» — это детская повесть Лазаря Лагина, в которой рассказывается о приключениях мальчика Вольки и его друга, джинна, высвободившегося из древней бутылки. Волька, случайно нашедший эту бутылку на дне реки, становится хозяином джинна по имени Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб. Джинн, пытаясь выполнить все желания мальчика, выдает их буквально. Это приводит к целому ряду необычных и забавных событий. Книга развлекает, дает уроки о ценности дружбы, об ответственности за свои желания и поступки.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-200897-9

© Лагин Л.И., наследник, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

В книге «Тысяча и одна ночь» есть «Сказка о рыбаке». Вытянул рыбак из моря свои сети, а в них — медный сосуд, а в сосуде — могучий чародей, джинн. Он был заточен в нем без малого две тысячи лет. Этот джинн поклялся осчастливить того, кто выпустит его на волю: обогатить, открыть все сокровища земли, сделать могущественнейшим из султанов и, сверх всего, выполнить еще три его желания.

Или, например, «Волшебная лампа Аладдина». Казалось бы, ничем не примечательная старая лампа, можно сказать — просто утиль. Но стоило только потерять ее — и вдруг неведомо откуда возникал джинн и выполнял любые, самые невероятные желания ее владельца. Вам угодны редчайшие яства и пития? Пожалуйста. Сундуки, по самые края наполненные золотом и драгоценными камнями? Готово. Роскошный дворец? Сию же минуту. Превратить вашего недруга в зверя или гада? С превеликим удовольствием.

Предоставь такому чародею по собственному вкусу одарить своего повелителя — и снова посыпались бы все те же драгоценные сундуки, все те же султанские дворцы в личное пользование.

По понятию джиннов из старинных волшебных сказок и тех, чьи желания они в этих сказках выполняли, это и было самое полное человеческое счастье, о котором только и можно было мечтать.

Сотни и сотни лет прошли с тех пор, как впервые были рассказаны эти сказки, но представления о счастье долго

еще связывались, а в капиталистических странах у многих людей и по сей день еще связываются с сундуками, битком набитыми золотом и брильянтами, с властью над другими людьми.

Ах, как мечтают те люди хоть о самом завалющем джинне из старинной сказки, который явился бы к ним со своими дворцами и сокровищами! Конечно, думают они, любой джинн, проведший две тысячи лет в заточении, поневоле несколько отстал бы от жизни. И возможно, что дворец, который он преподнесет в подарок, будет не совсем благоустроен с точки зрения современных достижений техники. Ведь архитектура со времен калифа Гарун аль Рашида так шагнула вперед! Появились ваннные комнаты, лифты, большие, светлые окна, паровое отопление, электрическое освещение... Да ладно уж, стоит ли придирается. Пусть дарит такие дворцы, какие ему заблагорассудится. Были бы только сундуки с золотом и брильянтами, а остальное приложится: и почет, и власть, и яства, и блаженная, праздная жизнь богатого «цивилизованного» бездельника, презирающего всех тех, кто живет плодами своих трудов. От такого джинна можно и любое огорчение стерпеть. И не беда, если он не знает многих правил современного общежития и светских манер и если он иногда и поставит тебя в скандальное положение. Чародею, швыряющемуся сундуками с драгоценностями, эти люди все простят...

Ну, а что, если бы такой джинн да вдруг попал в нашу страну, где совсем другие представления о счастье и справедливости?

Я старался вообразить, что получилось бы, если бы джинна спас из заточения в сосуде самый обыкновенный мальчик, такой, каких миллионы в нашей стране.

И вдруг я, представьте себе, узнаю, что Волька Костыльков, тот самый, который жил раньше у нас в Трехпрудном переулке, ну, тот самый Волька Костыльков, который в прошлом году в лагере лучше всех нырял... Впрочем, давайте я вам лучше все расскажу по порядку.

НЕОБЫКНОВЕННОЕ УТРО

В семь часов тридцать две минуты утра веселый солнечный зайчик проскользнул сквозь дырку в шторе и устроился на носу ученика шестого класса Вольки Костылькова. Волька чихнул и проснулся.

Как раз в это время из соседней комнаты донесся голос матери:

— Нечего спешить, Алеша. Пусть ребенок еще немножко поспит — сегодня у него экзамены.

Волька поморщился.

Когда это мама перестанет наконец называть его ребенком!

— Ну что за чепуха! — ответил за перегородкой отец. — Парню скоро тринадцать лет. Пускай встает и помогает складывать вещи... У него вот-вот борода начнет пробиваться, а ты все: ребенок, ребенок...

Складывать вещи! Как он мог это забыть!

Волька сбросил с себя одеяло и стал торопливо натягивать штаны. Как он мог забыть! Такой день!

Семья Костыльковых переезжала сегодня на новую квартиру в новеньком пятиэтажном доме. Еще накануне вечером почти все вещи были запакованы. Мама с бабушкой уложили посуду в ванночку, в которой когда-то, давным-давно, купали младенца Вольку. Отец, засучив рукава и по-сапожнички набрав полный рот гвоздей, заколачивал ящики с книгами. Потом все спорили, где складывать

вещи, чтобы удобнее было их выносить утром. Потом пили чай по-походному, за столом без скатерти. Потом решили, что утро вечера мудренее, и легли спать.

Одним словом, уму непостижимо, как это он мог забыть, что они сегодня утром переезжают на новую квартиру...

Не успели напиться чаю, как с грохотом ввалились грузчики. Первым делом они широко распахнули обе половинки двери и зычными голосами спросили:

— Можно начинать?

— Пожалуйста, — ответили одновременно мать и бабушка и страшно засуетились.

Волька торжественно вынес на улицу к крытому трехтонному грузовику диванные валики и спинку.

— Переезжаете? — спросил у него соседский мальчишка.

— Переезжаем, — небрежно ответил Волька с таким видом, словно он переезжал с квартиры на квартиру каждую неделю и в этом не было для него ничего удивительного.

Подошел дворник Степаныч, глубокомысленно свернул сигарку и неожиданно завел с Волькой солидный разговор, как равный с равным. У мальчика от гордости и счастья слегка закружилась голова. Он набрался духу и пригласил Степаныча в гости на новую квартиру. Дворник сказал: «С нашим удовольствием». Словом, налаживалась серьезная и положительная беседа двух мужчин, когда вдруг из квартиры раздался голос матери:

— Волька! Волька!.. Ну куда девался этот несносный ребенок?

Волька помчался в опустевшую, непривычно просторную квартиру, в которой сиротливо валялись обрывки старых газет и пузырьки из-под лекарств.

— Наконец-то! — сказала мать. — Бери свой знаменитый аквариум и срочно влезай в машину. Будешь там си-

деть на диване и держать аквариум в руках. Больше девать его некуда. Только смотри не расплескай воду на диван...

Непонятно, почему родители так нервничают, когда переезжают на новую квартиру.

2

ТАИНСТВЕННЫЙ СОСУД

В конце концов Волька устроился неплохо. Внутри машины царил таинственный и прохладный полумрак. Если зажмурить глаза, можно было вообразить, будто едешь не по Трехпрудному переулку, в котором прожил всю свою жизнь, а где-то в далеких сибирских просторах, где тебе предстоит в суровых боях с природой возводить новый гигант советской индустрии. И, конечно, в первых рядах отличников этой стройки будет Волька Костыльков. Он первый соскочит с машины, когда караван грузовиков прибудет к месту назначения. Он первый раскинет свою палатку и предоставит ее заболевшим в пути, а сам, перекидываясь шуточками с товарищами по стройке, останется греться у костра, который он же быстро и умело разведет. А когда в трескучие морозы или свирепые бураны кое-кто вздумает сдавать темпы, ему будут говорить: «Стыдитесь, товарищ! Берите пример с показательной бригады Владимира Костылькова...»

За диваном возвышался ставший вдруг удивительно интересным и необычайным перевернутый вверх ногами обеденный стол. На столе дребезжало ведро, наполненное разными склянками. У боковой стенки кузова тускло поблескивала никелированная кровать. Старая бочка, в которой бабушка квасила на зиму капусту, неожиданно приобрела столь таинственный и торжественный вид, что Волька нисколечко не удивился бы, если бы узнал, что

именно в ней проживал когда-то философ Диоген, тот самый, который из древней греческой истории.

Сквозь дырки в брезентовых стенках пробивались тоненькие столбики солнечных лучей. Волька прильнул к одной из них. Перед ним, словно на экране в кино, стремительно пробежали веселые и шумные улицы, тихие и тенистые переулки, просторные площади, по которым во всех четырех направлениях двигались в два ряда пешеходы. За пешеходами, поблескивая просторными зеркальными витринами, возвышались неторопливо убегавшие назад магазины, наполненные товарами, продавцами и озабоченными покупателями; школы и дворы при школах, уже пестревшие белыми блузами и красными галстуками наиболее нетерпеливых школьников, которым не сиделось дома в день экзаменов; театры, клубы, заводы, красные громады строящихся зданий, огражденные от прохожих высокими дощатыми заборами и узенькими, в три доски, деревянными тротуарами.

Вот мимо Волькиного грузовика медленно проплыло приземистое, с круглым, кирпичного цвета куполом заветное здание цирка. На его стенах не было теперь обольстительных реклам с ярко-желтыми львами и красавицами, изящно стоящими на одной ножке на спинах неопишимо роскошных лошадей. По случаю летнего времени цирк перешел в Парк культуры и отдыха, в огромный брезентовый шатер. Недалеко от опустевшего цирка грузовик обогнал голубой автобус с экскурсантами. Десятка три карапузов, держась по двое за руки, шли по тротуару и солидно пели звонким, но нестройным хором: «Не нужен нам берег турецкий!..» Наверно, это детский сад шел гулять на бульвар... И снова убежали от Вольки школы, булочные, магазины, клубы, заводы, кинотеатры, библиотеки, новостройки...

Но вот грузовик, устало фырча и отдуваясь, остановился у подъезда нового Волькиного дома. Грузчики ловко перетащили вещи в квартиру и уехали.

Отец, кое-как распаковав ящики с самыми необходимыми вещами, сказал:

— Остальное доделаем после работы.

И ушел на завод.

Мама с бабушкой принялись распаковывать кухонную и столовую посуду, а Волька решил сбежать тем временем на реку. Правда, отец предупредил, чтобы Волька не смел без него ходить купаться, потому что тут страшно глубоко, но Волька быстро нашел для себя оправдание:

«Мне необходимо выкупаться, чтобы была свежая голова. Как это я могу явиться на экзамен с несвежей головой!»

Просто удивительно, как Волька умел всегда придумывать оправдание, когда собирался делать то, что ему запрещали!..

Это большое удобство, когда река недалеко от дома. Волька сказал маме, что пойдет на берег готовиться по географии. И он действительно собирался минут десять полистать учебник. Но, прибежав на реку, он, не медля ни минуты, разделся и бросился в воду. На берегу не было ни одного человека. Это было хорошо и плохо. Хорошо — потому, что никто не мог ему помешать всласть выкупаться. Плохо — потому, что некому было восторгаться, как красиво и легко Волька плавает и в особенности как он замечательно ныряет.

Волька наплавался и нанырялся до того, что буквально посинел. Тогда он решил, что хватит, совсем было вылез из воды, но передумал и напоследок еще разок нырнул в ласковую прозрачную воду, до дна пронизанную ярким полуденным солнцем.

И вот в тот самый миг, когда Волька уже собирался подняться на поверхность, его рука вдруг нащупала на дне реки какой-то продолговатый предмет. Волька схватил его и вынырнул у самого берега. В его руках был скользкий, замшелый глиняный сосуд необычной формы. Больше всего он походил, пожалуй, на древнюю амфо-

ру. Его горлышко было наглухо замазано зеленым смолистым веществом, на котором было выдавлено нечто, отдаленно напоминавшее печать.

Волька прикинул сосуд на вес. Сосуд был тяжелый, и Волька обмер.

Клад! Клад со старинными вещами, имеющими огромное научное значение!.. Вот это здорово!

Быстренько одевшись, он помчался домой, чтобы в укромном уголке распечатать сосуд.

Пока он добежал до дому, в его голове уже успела сложиться заметка, которая завтра обязательно появится во всех газетах. Он даже придумал для нее название: «Пионер помог науке».

«Вчера в N-е отделение милиции явился пионер Костыльков Владимир и вручил дежурному клад из редких старинных золотых вещей, найденный им на дне реки, на очень глубоком месте. Клад передан милицией в Исторический музей. По сведениям из достоверных источников, Костыльков Владимир — прекрасный ныряльщик».

Проскользнув мимо кухни, где мама готовила обед, Волька юркнул в комнату с такой быстротой, что чуть не сломал себе ногу: он споткнулся о люстру, которую еще не успели повесить. Это была знаменитая бабушкина люстра. Когда-то, еще до революции, ее собственноручно переделал покойный дедушка из висячей керосиновой лампы. Это была память о дедушке, и бабушка ни за что в жизни с ней бы не рассталась. А так как вешать ее в столовой было не так уж красиво, то предполагалось повесить ее как раз в той комнате, куда сейчас и забрался Волька. На сей предмет был уже вколочен в потолок большущий железный крюк.

Потирая ушибленную коленку, Волька запер за собой дверь, вытащил из кармана перочинный ножик и, дрожа от волнения, соскреб печать с горлышка сосуда.

В то же мгновение вся комната наполнилась едким черным дымом и что-то вроде бесшумного взрыва большой силы подбросило Вольку к потолку, где он и повис, зацепившись штанами за тот самый крюк, на который предполагалось повесить бабушкину люстру.

3

СТАРИК ХОТТАБЫЧ

Пока Волька, раскачиваясь на крюке, пытался разобраться в том, что произошло, дым понемножку рассеялся, и Волька вдруг обнаружил, что в комнате, кроме него, находится еще одно живое существо. Это был тощий и смуглый старичок с бородой по пояс, в роскошной чалме, тонком белом шерстяном кафтане, обильно расшитом золотом и серебром, в белоснежных шелковых шароварах и нежно-розовых сафьяновых туфлях с высоко загнутыми носками.

— Апчи! — оглушительно чихнул старичок и пал ниц. — Приветствую тебя, о прекрасный и мудрый отрок!

Волька зажмурил глаза, снова их раскрыл: нет, этот удивительный старичок, пожалуй, ему и на самом деле не мерещился. Вот он, потирая сухонькие ладошки и все еще не поднимаясь с колен, таращит умные и не постариковски шустрые глаза на обстановку Волькиной комнаты, словно это невесть какое чудо.

— Вы откуда? — осторожно осведомился Волька, медленно раскачиваясь под самым потолком, точно маятник. — Вы... Вы из самодеятельности?

— О нет, о юный мой повелитель, — высокопарно ответил старичок, оставаясь все в том же неудобном положении и немилосердно чихая, — я не из неведомой мне страны Самодеятельность. Я вот из этого трижды проклятого сосуда.

С этими словами он вскочил на ноги, бросился к валявшемуся поблизости сосуду, из которого еще продолжал струиться небольшой дымок, и стал яростно его топтать, пока от сосуда не остался ровный слой мелких черепков. Затем старичок с хрустальным звоном выдернул из бороды волосок, разорвал его, и черепки вспыхнули каким-то небывалым, зеленым пламенем и мгновенно сгорели без следа.

Но Вольку все еще глодало сомнение.

— Что-то вроде не похоже... — протянул он, — сосуд был такой маленький, а вы такой... сравнительно большой.

— Не веришь, презренный?! — свирепо вскричал старичок, но тут же взял себя в руки, снова рухнул на колени и с такой силой стукнулся при этом лбом о пол, что в аквариуме заметно колыхнулась вода и сонные рыбки всполошенно заметались взад и вперед. — Прости меня, о юный мой спаситель, но я не привык, чтобы мои слова брались под сомнение... Знай же, благословеннейший из отроков, что я не кто иной, как могучий и прославленный во всех четырех странах света джинн Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, то есть сын Хоттаба.

Все было настолько интересно, что Волька даже позабыл о том, что он висит под потолком на ламповом крюке:

— Джин?.. Джин — это, кажется, такой американский спиртной напиток?..

— Не напиток я, о пытливый отрок! — снова вспылил старичок, снова спохватился и снова взял себя в руки. — Не напиток я, а могущественный и неустрашимый дух, и нет в мире такого волшебства, которое было бы мне не по силам, и зовут меня, как я уже имел счастье довести до твоего много- и высокочтимого сведения, Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, или, по-вашему, Гассан Абдуррахман Хоттабович. Назови мое имя первому попавшемуся ифриту, или джинну, что одно и то же, и ты увидишь, —

хвастиливо продолжал старичок, — как он задрожит мелкой дрожью и слюна в его рту пересохнет от страха.

И случилась со мной — апчхи! — удивительная история, которая, будь она написана иглами в уголках глаз, послужила бы назиданием для поучающихся. Я, несчастный джинн, послушался Сулеймана ибн Дауда — мир с ними обоими! — я и брат мой Омар Юсуф Хоттабович. И Сулейман прислал своего визиря Асафа ибн Барахию, и тот доставил нас насильно. И Сулейман ибн Дауд — мир с ними обоими! — приказал принести два сосуда: один медный, а другой глиняный — и заточил меня в глиняном сосуде, а брата моего, Омара Хоттабовича, — в медном. Он запечатал оба сосуда, оттиснув на них величайшее из имен аллаха, а потом отдал приказ джиннам, и они понесли нас и бросили брата моего в море, а меня — в реку, из которой ты, о благословенный спаситель мой, — апчхи, апчхи! — извлек меня. Да продлятся дни твои, о... Прости меня, я был бы несказанно счастлив узнать твое имя, прелестнейший отрок.

— Меня зовут Волька, — ответил наш герой, продолжая медленно раскачиваться под потолком.

— А имя счастливого отца твоего, да будет он благословен во веки веков? Скажи мне нежнейшее из его имен, ибо он поистине достоин великой любви и благодарности — человек, подаривший миру такого достойного отпрыска.

— Его зовут Алексей. А самое нежное... самое нежное его имя — Алеша, Алешенька...

— Так знай же, о превосходнейший из отроков, звезда сердца моего, Волька ибн Алеша, что я буду впредь выполнять все, что ты мне прикажешь, ибо ты спас меня из страшного заточения... Апчхи!..

— Почему вы так чихаете? — спросил Волька, словно все остальное было ему совершенно ясно.

— Несколько тысячелетий, проведенных в сырости, без благодатного солнечного света, в холодном сосуде, поко-

ящемся в глубинах вод, наградили меня, недостойного твоего слугу, утомительным насморком. Апчхи!.. апчхи!.. Но все это сущая чепуха и недостойно твоего драгоценнейшего внимания. Повелевай мной, о юный господин! — с жаром заключил Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, задрал вверх голову, но продолжая оставаться на коленях.

— Прежде всего поднимитесь, пожалуйста, с колен, — сказал Волька.

— Твое слово для меня закон, — послушно ответил старик и встал на ноги. — Я жду твоих дальнейших повелений.

— А теперь, — неуверенно промолвил Волька, — если это вас не затруднит... будьте добры... конечно, если это вас не очень затруднит... Одним словом, мне бы очень хотелось очутиться на полу.

В тот же миг он оказался внизу, рядом со стариком Хоттабычем, как мы будем в дальнейшем для краткости величать нашего нового знакомого. Первым делом Волька схватился за штаны. Штаны были совершенно целы.

Начинались чудеса.

4

ЭКЗАМЕН ПО ГЕОГРАФИИ

— Повелевай мною! — продолжал Хоттабыч, глядя на Вольку преданными глазами. — Нет ли у тебя какого-нибудь горя, о Волька ибн Алеша? Скажи, и я помогу тебе.

— Ой, — всплеснул руками Волька, кинув взгляд на бодро тикавший на его столе будильник. — Опаздываю! Опаздываю на экзамен!..

— На что ты опаздываешь, о драгоценнейший Волька ибн Алеша? — деловито осведомился Хоттабыч. — Что ты называешь этим странным словом «эк-за-мен»?

— Это то же самое, что испытания. Я опаздываю в школу на испытания.

— Знай же, о Волька, — обиделся старичок, — что ты плохо ценишь мое могущество. Нет, нет и еще раз нет! Ты не опоздаешь на экзамен. Скажи только, что тебе больше по нраву: задержать экзамены или немедленно оказаться у врат твоей школы?

— Оказаться у врат, — сказал Волька.

— Нет ничего легче! Сейчас ты будешь там, куда ты так жадно тянешься своей юной и благородной душой, и ты потрясешь своими познаниями учителей своих и товарищей своих.

С приятным хрустальным звоном старичок снова выдернул из бороды сначала один волосок, а за ним другой.

— Боюсь, что не потрясу, — рассудительно вздохнул Волька, быстренько переодеваясь в форменную одежду. — По географии я, честно говоря, на пятерку не вытяну.

— По географии? — вскричал старик и торжественно поднял свои иссохшие волосатые руки. — Тебе предстоит экзамен по географии?! Знай же, о изумительнейший из изумительных, что тебе неслыханно повезло, ибо я больше кого-либо из джиннов богат знаниями по географии — я, твой верный слуга Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб. Мы пойдем с тобой в школу, да будут благословенны ее фундамент и крыша! Я буду тебе незримо подсказывать ответы на все вопросы, которые будут тебе заданы, и ты прославишься среди учеников своей школы и среди учеников всех школ твоего великолепного города. И пусть только попробуют твои учителя не удостоить тебя самых высочайших похвал: они будут иметь дело со мной! — Тут Хоттабыч рассвирепел: — О, тогда им придется очень, очень плохо! Я превращу их в ослов, на которых возят воду, в бездомных собак, покрытых коростой, в самых отвратительных и мерзких жаб — вот что я с ними сделаю!.. Впрочем, — успокоился он так же быстро, как и рассвирепел, — до этого дело не дойдет, ибо все, о Волька ибн Алеша, будут восхищены твоими ответами.

— Спасибо, Гассан Хоттабыч, — тяжело-тяжело вздохнул Волька. — Спасибо, только никаких подсказок мне не надо. Мы — пионеры — принципиально против подсказок. Мы против них организованно боремся.

Ну откуда было старому джинну, прошедшему столько лет в заточении, знать ученое слово «принципиально»? Но вздох, которым его юный спаситель сопровождал свои слова, полные печального благородства, утвердили Хоттабыча в том, что помощь его нужна Вольке ибн Алеше больше, чем когда бы то ни было.

— Ты меня очень огорчаешь своим отказом, — сказал Хоттабыч. — И ведь, главное, учти: никто моей подсказки не заметит.

— Ну да! — горько усмехнулся Волька. — У Варвары Степановны такой тонкий слух, спасу нет!

— Теперь ты меня не только огорчаешь, но и обижаешь, о Волька ибн Алеша. Если Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб говорит, что никто не заметит, значит, так оно и будет.

— Никто-никто? — переспросил для верности Волька.

— Никто-никто. То, что я буду иметь счастье тебе подсказать, пойдет из моих почтительных уст прямо в твои высокочтимые уши.

— Просто не знаю, что мне с вами делать, Гассан Хоттабыч, — притворно вздохнул Волька. — Ужасно не хочется огорчать вас отказом... Ладно, так и быть!.. География — это тебе не математика и не русский язык. По математике или русскому я бы ни за что не согласился на самую малюсенькую подсказку. Но поскольку география все-таки не самый главный предмет... Ну, тогда пошли побыстрее!.. Только... — Тут он окинул критическим взором необычное одеяние старика. — М-м-м-да-а-а... Как бы это вам переодеться, Гассан Хоттабыч?

— Разве мои одежды не услаждают твой взор, о достойнейший из Волек? — огорчился Хоттабыч.

— Услаждают, безусловно, услаждают, — дипломатично ответил Волька, — но вы одеты... как бы это сказать... У нас несколько другая мода... Ваш костюм слишком уж будет бросаться в глаза.

— Но как же одеваются сейчас достойные уважения мужи почтенных лет?

Волька попробовал растолковать старику, что такое пиджак, брюки, шляпа, но, сколько он ни старался, ничего толком объяснить не мог. Он совсем было отчаялся, когда его взгляд случайно упал на висевший на стенке дедушкин портрет. Тогда он подвел Хоттабыча к этой порывевшей от времени фотографии, и старик несколько мгновений вглядывался в нее с любопытством и нескрываемым недоумением: ему странно и удивительно было видеть одеяние, столь не похожее на свое.

Через минуту из дома, в котором с сегодняшнего дня проживала семья Костыльковых, вышел Волька, держа под руку Хоттабыча. Старик был великолепен в новой парусиновой пиджачной паре, украинской вышитой сорочке и твердой соломенной шляпе канотье. Единственное, что он не согласился сменить, была обувь. Сославшись на мозоли трехтысячелетней давности, он остался в розовых туфлях с загнутыми носками, которые в свое время свели бы, вероятно, с ума самого большого модника при дворе калифа Гаруна аль Рашида.

И вот Волька с преобразившимся Хоттабычем почти бегом приблизились к подъезду 124-й московской средней школы. Старик кокетливо посмотрелся в стеклянную дверь, как в зеркало, и остался собой доволен.

Пожилый швейцар, лениво читавший газету, с удовольствием отложил ее, завидев Вольку и его спутника. Ему было жарко и хотелось поговорить.

Перескакивая сразу через несколько ступенек, Волька помчался вверх по лестнице. В коридорах было тихо и пустынно — верный и печальный признак, что экзамены уже начались и что Волька, следовательно, опоздал.

— А вы, гражданин, куда? — спросил швейцар Хоттабыча, последовавшего было за своим юным другом.

— Ему к директору нужно! — крикнул сверху Волька.

— Извините, гражданин, директор занят. Он сейчас на экзаменах. Зайдите, пожалуйста, ближе к вечеру.

Хоттабыч сердито насупил брови:

— Если мне будет позволено, о почтенный старец, я предпочел бы подождать его здесь. — Затем он крикнул Вольке: — Спешу к себе в класс, о Волька ибн Алеша! Я верю, ты потрясешь своими знаниями учителей своих и товарищей своих!

— Вы ему, гражданин, дедушкой приходитеесь или как? — попытался швейцар завязать разговор.

Но Хоттабыч, пожевав губами, промолчал. Он считал ниже своего достоинства беседу с привратником.

— Разрешите предложить вам кипяченой воды, — продолжал между тем швейцар. — Жара сегодня — не приведи господь.

Налив из графина полный стакан, он повернулся, чтобы подать его неразговорчивому незнакомцу, и с ужасом убедился, что тот пропал неизвестно куда, словно сквозь паркет провалился. Потрясенный этим невероятным обстоятельством, швейцар залпом опрокинул в себя воду, предназначенную для Хоттабыча, налил и осушил второй стакан, третий и остановился, только когда в графине не осталось ни единой капли. Тогда он откинулся на спинку стула и стал в изнеможении обмахиваться газетой.

А в это время на втором этаже, как раз над швейцаром, в шестом классе «Б», происходила не менее волнующая сцена. Перед классной доской, увешанной географическими картами, за столом, по-парадному покрытым сукном, разместились учителя во главе с директором школы Павлом Васильевичем. Перед ними сидели на партах чинные, торжественно подтянутые ученики. В классе стояла такая тишина, что слышно было, как где-то под самым потолком монотонно гудит одинокая муха. Если бы уче-